

Глава 36. Производство. Все — актёры

Белые, изящные ступни ступали по мраморному полу, длинное платье колыхалось от ночного морского ветра. Она вошла в кабинет, дверь которого так и осталась открытой.

В кабинете мужчина лежал, уткнувшись в письменный стол, и крепко спал.

Женщина медленно приблизилась к нему. Она смотрела на его лицо сверху вниз — во взгляде смешались огненная любовь и глубокая скорбь. Она плавно опустила на корточки и прижала щеку к его бедру.

— Иньчуань.

— Я правда... очень тебя люблю.

Прошептав признание, она позволила слезе, дрожащей в уголке глаза, почти сорваться — и в этот момент вынула нож, спрятанный за спиной.

Она подняла голову, в последний раз посмотрела на мужчину и направила нож к его горлу.

Когда холодный предмет коснулся шеи, мужчина вдруг дёрнулся.

— Стоп-стоп-стоп-стоп-стоп!

Актриса мгновенно выпрямилась, пальцем смахнула слезу с уголка глаза и, лениво закатив глаза с показной элегантностью, сказала:

— Режиссёр, ну в этот раз это ведь точно не моя проблема, да?

Ожидавшие команды гримёры, костюмеры и ассистенты тут же гурьбой подбежали.

— Ты что творишь?! Я тебе говорю, дублёр!

Режиссёр с размаху швырнув сценарий, выскочил из-за мониторов, кипя от злости, подбежал к дублёру и, вытянув шею, начал орать:

— Ты чего двигаешься, а?! Я тебе русским языком сказал: лежать и не шевелиться, спать! Ты спишь! Спишь какдохлая свинья! Ты что, человеческую речь не понимаешь, мать твою?!

— Чего уставился?! Глаза пустые, как у чурбана! Неудивительно, что ты только дублёром и можешь быть! Перерыв десять минут! Ему вообще кто-нибудь объяснял, что делать?! Или, блядь, во всей группе работать умею только я, а остальные тут трупы?!

Помощник режиссёра, одной рукой извиняясь, уже нагнулся и другой рукой толкнул всё ещё стоящего столбом дублёра:

— Быстро вставай.

Дублёр будто только сейчас пришёл в себя, поднялся и вышел из декораций. Помощник режиссёра шёл рядом и без остановки бубнил:

— Я тебя умоляю, не надо самодеятельности. Повторяю ещё раз: ты дублёр. В кадре только твои бёдра и шея. Зрителю вообще всё равно, кто там на самом деле, они по умолчанию будут считать, что это Е Сюаньфэн. В сценарии как написано — так и играй. Кстати, ты сценарий вообще читал?

— Читал...

— Весь?

— Нет.

— Вот и правильно. Спокойно работать — разве это плохо? — помощник режиссёра был заметно мягче самого режиссёра. Он похлопал дублёра по плечу и выдал дежурную «конфетку». — Данные у тебя неплохие. Шанс ещё будет, не всю жизнь же тебе в дублёрах ходить.

— Хорошо.

— Тогда сам настройся. В следующем дубле — терпишь до конца и ни в коем случае не шевелишься, понял?

— Понял.

В последний раз похлопав его по плечу, помощник отошёл.

Дублёр — а это и был Синь Синь — присел на корточки у стены.

Ещё секунду назад он мерился взглядами с ледяными, как тёмный омут, глазами Хэ Синьчуаня, а в следующую — сознание сорвалось вниз, и он оказался в этом чужом теле.

Когда холодный бутафорский нож коснулся шеи, Синь Синь инстинктивно дёрнулся и, открыв глаза, увидел чьи-то миндалины.

Немного опухшие. Похоже, воспалены.

Полусонно выслушав выволочку, Синь Синь только потом, с опозданием, понял, что это съёмочная площадка, а он сейчас — дублёр.

Он присел у стены и огляделся по сторонам, всё ещё пребывая в полном замешательстве.

В голове не было ни задания, ни воспоминаний. Сотрудники съёмочной группы группками отдыхали неподалёку. Режиссёр вернулся за мониторы, лицо у него всё ещё было красным — злость явно не улеглась. Актриса, с которой Синь Синь только что играл сцену, сидела в кресле-качалке, окружённая ассистентами и гримёрами, надув губы, пила воду и смотрела в телефон.

Синь Синь не осмеливался лишний раз шевельнуться. Он застывшим комком сидел в углу и отчётливо чувствовал, что опасность где-то совсем рядом.

Десять минут пролетели быстро. Свет, звук — всё было готово. Помощник режиссёра поторопил Синь Синя подняться. Он примерно понимал, что сейчас снова нужно лечь и изображать сон, и, садясь, краем глаза глянул на компьютер.

На экране был открыт Word.

В последней строке значилось:

«Она наконец завершила своё произведение».

Он успел лишь мельком это увидеть — и тут же режиссёр в бешенстве подскочил и ещё две минуты орал на Синь Синя, выпучив глаза.

Синь Синь: «...»

Дружище, тебе бы гормоны проверить, времени-то хватает.

— Вон отсюда!

Режиссёр снова швырнул сценарий.

— Я сам пройду сцену! Я не понимаю, что вообще происходит — у нынешних дублёров что, настолько низкий уровень?! Даже нормально сыграть сон не могут!

Помощник режиссёра оттащил Синь Синя в сторону.

Режиссёр, пылая гневом, уселся за письменный стол и, ложась, начал показывать:

— Ян Иньчуань закончил первый черновик. В этот момент он максимально расслаблен. Тело не должно быть таким деревянным!

— Тан Кэ, подойди.

С актрисой режиссёр говорил заметно мягче, но тон всё равно оставался жёстким — типичный тиран на площадке.

Тан Кэ грациозно подошла:

— Режиссёр.

— Момент с ножом.

Тан Кэ, явно без особого желания, присела на корточки и направила бутафорский нож к горлу режиссёра.

Режиссёр:

— Когда человек спит, дыхание у него ровное. Следи за дыханием, кадыком не дёргай! Повторяю ещё раз: в этот момент Ян Иньчуань абсолютно расслаблен. Он не спал трое суток подряд, три дня и три ночи — он вымотан до предела, он спит как убитый.

Режиссёр, договорив, закрыл глаза.

— В финале — перерезанное горло. Этот... дублёр. — Режиссёр приоткрыл глаза и ткнул пальцем в Синь Синя. — Крупный план. Ты — труп. Никаких реакций. Ни один мускул не должен дрогнуть, ни единого движения. Ясно?!

Синь Синь кивнул.

— Показываю один раз.

— Тан Кэ, замах ножом.

Режиссёр, закрыв глаза проолал говорить.

Тан Кэ:

— Режиссёр, по-настоящему? Или...

— Делай давай. С чувством, почувствуй сцену. Ты с дублёром столько играла, что уже деревянной стала.

За эти несколько дней на площадке Тан Кэ доставалось не меньше остальных. В её глазах мелькнула затаённая злость и недовольство: главный актёр так ни разу и не появился, а она с утра до ночи изматывалась, играя сцены с дублёром. Алые губы слегка надулись, с ноткой упрямства она незаметно усилила хватку и упёрла бутафорский нож в горло режиссёра.

— Стойте.

Синь Синь инстинктивно почувствовал неладное. Он только успел крикнуть, пытаясь остановить происходящее, как режиссёр, уже готовившийся с закрытыми глазами показать, как надо играть, раздражённо распахнул глаза. Вместе с этим он резко подался шеей вперёд — его привычная поза перед тем, как разразиться бранью. На этот раз он взорвался пуще прежнего.

— Ты, блядь...

В одно мгновение всё вокруг словно застыло, как стоп-кадр в кино.

Брызнувшая кровь, женский визг, сцена, залитая алым.

Синь Синь непроизвольно зажмурился. Он снова ощутил то знакомое ощущение — будто по затылку огрели тупым предметом, вязкую, оглушающую пустоту. Вместе с этим ударом в его голову хлынул поток чужих воспоминаний.

Цю Цзялэ, двадцать один год. Пять лет болтается в индустрии развлечений, не дотягивает даже до восемнадцатой линии. Самая близкая дистанция к «звёздам» — быть для них дублёром. В съёмочной группе меньше семи дней, за это время режиссёр обругал его не меньше семидесяти раз. Типичная «груша для битья» на площадке.

[Задание: «Произведение» — масштабный проект, которому Тянь Мин посвятил себя без остатка. Звёздный актёрский состав, бюджет свыше ста миллионов... Однако на седьмой день съёмок режиссёр Тянь скоропостижно скончался. Он ушёл, полный ярости и обиды, не смирившись с судьбой. Неупокоенная душа режиссёра жаждет узнать: кто именно погубил его детище? Помогите Тяню раскрыть правду и выяснить, что стало причиной краха «Произведения».]

[Срок: семь дней. (7 июля, 19:00. Ровно через неделю после смерти режиссёра Тяня дайте ему ответ, который его устроит. Ошибётесь — останетесь здесь навсегда. Грандиозное шоу загробного мира — вход только для тех, кто готов рискнуть жизнью.)]

[Награда за задание: само задание и есть награда. (Хочешь дополнительную? Пожалуйста. При условии, что ты ещё будешь жив, чтобы её получить.)]

Когда Синь Синь пришёл в себя, вокруг уже стоял сплошной визг.

Тан Кэ была ошарашена случившимся несчастным случаем. Она выронила нож, в панике закричала и попятилась назад. Каблук подвернулся — она рухнула на пол и, продолжая истошно кричать, отталкивалась ногами, отползая прочь.

Тянь Мин, зажимая горло, бессильно осел и соскользнул вниз, с глухим «бум» ударившись об письменный стол. Кровь обильно лилась, растекаясь вокруг обрушившегося тела.

Осветители, ассистенты, звукорежиссёр, помощник режиссёра — все разом разбежались кто куда. За считанные секунды рядом с трупом остался только Синь Синь.

Синь Синь смотрел на страшную смерть Тянь Мина, не в силах сдвинуться с места, будто ноги приклеились к полу.

Он не понимал до конца, какова природа этого мира заданий, но Тянь Мин ничем не отличался от живого человека. Ещё мгновение назад он орал на него во всё горло, а перед смертью даже тараялся, словно собирался выругаться.

Всё было слишком реальным.

В отличие от прошлого мира, где убийство существовало лишь как часть фоновой настройки, здесь живой человек погиб прямо у него на глазах.

Синь Синь стоял, застыв, не в силах отвести взгляд от Тянь Мина с широко раскрытыми глазами, пока за спиной не раздались беспорядочные шаги. Лишь тогда он моргнул, ощущая, как глаза неприятно ноют от напряжения.

Кто-то дёрнул его за руку. Синь Синь обернулся — тянул его мужчина средних лет с

внешностью интеллента. В памяти Цю Цзялэ он значился как продюсер Ван Тао, настоящий хозяин «Произведения».

— Что тут происходит?! А?! Ты кто такой?! Чего встал столбом?!

— Я...

Ван Тао мельком взглянул на лежащего в луже крови Тянь Мина. Ему хватило дного взгляда. Его перекосило от увиденного, и он раздражённо оттолкнул Синь Синя назад:

— Быстро! Кто-нибудь, поднимите его!

Рабочие сцены тут же ринулись вперёд.

Толпа перекрыла обзор, и только тогда Синь Синь почувствовал, что может хоть немного вздохнуть. Пошатываясь, он вышел из декораций кабинета и прислонился к стене снаружи.

Когда он шёл, подошвы будто липли к полу. Он не понимал — то ли его слишком сильно потрясла сцена, то ли...

Синь Синь поднял ногу и, как и ожидал, увидел, что подошва правого кроссовка была вся красная.

Синь Синь: «...»

Он стиснул зубы и, подпрыгивая на одной ноге, выбрался в коридор.

Сюжет фильма «Произведение» разворачивался на курортной вилле на острове. У продюсера Ван Тао как раз была такая вилла, поэтому декорации попросту возвели на месте. Остров тоже принадлежал Ван Тао, и сейчас на нём находились только сотрудники съёмочной группы «Произведения».

За пределами виллы море и небо сливались в единое чёрное полотно, а звёзды мерцали, будто рассыпались по поверхности воды. Синь Синь одним рывком добрался до берега, тяжело дыша, и сел.

По сравнению с хилым Цяо Вэньгуаном, физическое состояние Цю Цзялэ было немного лучше. Подул морской ветер — и голова сразу прояснилась. Синь Синь снял кроссовок с правой ноги, зачерпнул ладонями морскую воду и, подавляя тошноту, начал смывать.

Стоило ему подумать о том, что это человеческая кровь, как ему стало особенно мерзко. В

итоге он просто поставил кроссовок на песок, позволив набегающим волнам смывать всё без его участия.

Неприятно — так неприятно.

Но задание всё равно нужно выполнять. Он совершенно не хотел отправляться в загробный мир снимать кино!

Синь Синь глубоко вдохнул, стараясь избавиться от влияния только что увиденного убийства. Сдерживая подступающую тошноту, он начал раскладывать по полочкам имеющуюся информацию.

Суть задания заключалась в выяснении правды о том, что послужило причиной краха «Произведения».

Вообще-то и в прошлом задании формулировка была похожей — там тоже нужно было «выяснить правду». При описании смертей Цао Янань, Сян Чэня и Чжао Хунвэя нигде прямо не говорилось об убийстве. Это он сам попался в ловушку шаблонного мышления, решив, что Цао Янань обязательно кто-то убил, тогда как правда оказалась куда проще — Цао Янань покончила с собой.

Неудивительно, что в прошлом мире призрак Цао Янань так ни разу и не появился.

Выходит, самоубийцы не становятся призраками в заданиях?

Синь Синь мысленно сделал ещё одну пометку.

На этот раз формулировка задания была ещё более расплывчатой, чем в прошлый раз.

Что вообще значит «крах "Произведения"»?

Прежде всего, смерть главного режиссёра Тянь Мина определённо можно считать причиной краха.

Тогда что именно он должен расследовать — кто подменил бутафорский нож в руках Тан Кэ? Или действия Тан Кэ с самого начала были умышленными?

Морской ветер вздымал волны, и Синь Синь внезапно осознал: задание этого мира куда сложнее предыдущего.

Потому что здесь — повсюду актёры.

— Господин Цю.

Донёс до него незнакомый оклик вечерний ветер.

Синь Синь пару секунд стоял, не реагируя, затем обернулся.

На пляже не было освещения. В темноте он смутно разглядел бегущую к нему фигуру — похоже, это был рабочий сцены с площадки, тот самый, что заходил вместе с Ван Тао.

— Продюсер Ван просил вас вернуться.

Синь Синь кивнул. Молча подобрал валявшийся рядом кроссовок. Кровь с подошвы уже смылась, но ткань насквозь промокла. Он сжал его в ладони, и в голове сами собой возникли мрачные образы. Синь Синь поморщился — к горлу снова подступила тошнота.

Надевать этот кроссовок ему совершенно не хотелось. Более того, ему даже пришло в голову просто выбросить его, но по дороге сюда он не увидел ни одной урны.

— Давайте я возьму. — сказал рабочий сцены.

Синь Синь поднял голову и посмотрел на говорившего.

Было темно, свет падал со спины, так что лица было не разглядеть. Он лишь отметил, что у того худое лицо, резкие скулы, словно сжимающиеся внутрь, а морской ветер треплет давно не стриженные, растрёпанные волосы.

Когда тот наклонился, Синь Синь при свете луны разглядел его профиль и глаза, врезанные в лицо словно вставленные камни.

Мокрый кроссовок из руки Синь Синя забрали, но он так и остался сидеть на песке, не двигаясь, по-прежнему держа руку так, будто всё ещё сжимал обувь, и молча смотрел на рабочего сцены.

Тот выпрямился, держа кроссовок, и посмотрел на него сверху вниз.

Оба замерли.

По мере того как глаза привыкали к темноте, рабочий сцены свободной рукой полез в карман и прямо перед глазами Синь Синя вытянул сжатый кулак.

Синь Синь слегка прищурился. Что это значит? Камень-ножницы-бумага*? Или драться

собрался?

* В Китае эта игра называется «石头剪刀布» (shítou jiǎndāo bù), что дословно переводится как «камень-ножницы-ткань». Игра была изобретена в Китае, а затем распространилась по Японии и всему миру. Изначально она была связана с числами и счётом, где игроки показывали цифры от 0 до 5 с помощью пальцев. Правила почти те же, что и русского аналога: ножницы режут ткань, ткань заворачивает камень, камень тупит ножницы.

Кулак разжался. На ладони лежала конфета в светло-голубой обёртке.

— Господин Цю, съешьте конфетку, и сразу успокоетесь.

Синь Синь: «...»

Синь Синь:

— Извините, я актёр. Я на безсахарной диете.

Рабочий сцены кивнув, убрал руку.

— Тогда пойдёмте обратно.

Синь Синь:

— У меня нет обуви. — Он помолчал и, задрвав подбородок, добавил, — Понесёте меня?

Рабочий сцены:

— Нету обуви — зато ноги есть.

Синь Синь: «...»

— Ты... — Синь Синь ткнул в него пальцем, затем медленно согнул его, сквозь зубы процедив,
— А ведь прав...

Он встал, снял второй кроссовок, ступив в носках на мягкий песок, выхватил у рабочего сцены свой мокрый кроссовок и широким шагом направился к освещённой вилле неподалёку.

Человек позади бесшумно двинулся следом.

Синь Синь украдкой оглянулся.

Притворяешься? Ладно.

Тогда и он будет притворяться.

Как-никак, он тоже актёр.

Притворяемся!

Посмотрим, кто кого переплюнет.

<http://bllate.org/book/12899/1592013>